

Елена
Бриолле

АККОРДЫ СМЕРТИ В ЛЯ МАЖОРЕ

Когда искусство
становится смертельно
опасным

Месье сыщик. Тайны Прекрасной эпохи

Елена Бриолле

Аккорды смерти в ля мажоре

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бриолле Е.

Аккорды смерти в ля мажоре / Е. Бриолле — «Эксмо»,
2025 — (Месье сыщик. Тайны Прекрасной эпохи)

ISBN 978-5-04-217209-0

Новое расследование Габриэля Ленуара. 1912 год. В Анже во время авангардного концерта погибает знаменитая певица, а с Эйфелевой башни прыгает настройщик пианино. Общество взбудоражено. Над страной уже звучат звуки смертоносного вальса, где каждый аккорд может стать последним. Дело поручают Габриэлю Ленуару, но сыщик страдает от ран прошлого, а его помощница не слышит музыку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-217209-0

© Бриолле Е., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

1. Крови блёклый цвет	6
2. В плену своих мыслей	9
3. Ожившее наваждение	11
4. Отличия французского бокса	13
5. Умри!	17
6. Аксессуары певицы	19
7. Смертельная любовь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Бриолле

Аккорды смерти в ля мажоре

Серия «Месье сыщик. Тайны Прекрасной эпохи»

© Бриолле Е., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

1. Крови блёклый цвет

Анже, 17 июня 1912 г., понедельник

Луи-Жозеф Баро всегда был открыт новым идеям. Когда ты всю молодость служишь военным врачом в Сенегале, Судане и в Береге Слоновой Кости, без этого никак. Баро считал себя немного философом, немного писателем и хотел служить примером свободомыслящего человека.

В своём «Практическом путеводителе европейца в Западной Африке» он писал, что «европеец, особенно если он живёт там впервые, слишком часто начинает вести себя с чёрными как конкистадор, в то время как мы в первую очередь должны брать на себя роль учителей и защитников». Он говорил, что в Африке белый человек должен знать всё: право, военное искусство, медицину, ботанику, геологию, сельское хозяйство, потому что здесь он проходит экзамен в школе индивидуальной и социальной инициативы. Куда бы европеец ни приходил просить ночлега, его встречал предводитель деревни и дарил ему курицу, яйца, молоко или овощи, протягивая руку дружбы. Луи Баро ценил гостеприимство и открытость чернокожих и призывал французов к справедливости в отношениях с местным населением. Например, чтобы не заразиться нехорошей болезнью и заручиться уважением окружающих, холостым европейцам он советовал завести в Африке одну временную чёрную супругу. Так можно было и язык побыстрее выучить, и «не впасть в алкоголизм или сексуальный дебош».

Его книги и призывы к пробуждению лучших человеческих качеств во французских колонизаторах окончательно поставили крест на карьере, но открыли перед Баро двери франкмасонской ложи «Право человека» в городе Анже, а уже затем и двери власти в этой древней столице провинции. 19 мая Луи-Жозеф Баро стал мэром города. Теперь «чистота воздуха» здесь зависела от него. И он решил, что это будет воздух свободных искусств и филантропии. Через месяц после официальной церемонии инвеституры Баро пригласил всех жителей на серию концертов Изольды Понс. О её сопрано ходили легенды.

Сегодня на последнее выступление парижской этуали собрались все главные шишки города. Большой театр Анже переливался позолотой стен, а рубины на ожерельях дам вторили кровавым креслам. На сцене слева стоял рояль, а справа – белоснежная Изольда Понс. Баро ухмылялся в свои пышные усы и бороду, наблюдая за тем, какой эффект производил голос певицы. Нет, она не исполняла классику. В этом пункте Баро ещё больше удивил публику. Изольда Понс исполняла совершенно революционное сочинение Арнольда Шёнберга «Лунный Пьеро».

Если бы не франкмасонские связи, то этот концерт никогда бы не увидел свет. Однако, по счастливому случаю, у Арнольда Шёнберга в Анже работал двоюродный брат – Ганс Шёнберг. Ганс был у мэра в долгу: тот обеспечил ему место главного администратора в новеньком «Отеле Франции». Отель только-только построили напротив вокзала, и для управления отелем требовалось твёрдая рука. Баро пригласил Ганса Шёнберга, а тот, в свою очередь, попросил брата выслать ему партитуру «Лунного Пьеро». Иначе Изольда Понс никогда бы не согласилась выступать в провинциальном театре с классическим, избитым репертуаром. Надо же обеспечивать жителям города равный доступ к самым передовым культурным течениям. Баро снова нахохлился и подмигнул своей супруге.

Концерт подходил к концу, и скоро мэр будет принимать поздравления и благодарности. Все сборы от концерта он как расчётливый политик отправит на открытие «Отеля Франции», а часть – хотя в газетах напишут, что все сборы, – пойдёт на благотворительность. Журналисты уже выслали ему черновики своих статей о том, что средства определяют на нужды инвалидов войны. Республиканский строй требовал подробного отчёта о расходах.

До Арнольда Шёнберга ещё никто не творил ничего более необычного. Композитор написал музыку к серии стихотворений французского поэта Альбера Жиро так, чтобы у певицы была полная свобода самовыражения. «Лунного Пьеро» можно было исполнять речитативом, а где-то пропевать. Изольда Понс сразу поняла весь потенциал этой современной постановки! Она решила стать первой, кто исполнит «Лунного Пьеро» во Франции, и даже отказ участвовать в этом «лицедействе» её импресарио Фабио Крига не остановил Изольду. Баро не пришлось её долго уговаривать.

На сцене певица облачилась в костюм Пьеро. Он был сшит в виде японского мужского кимоно. В руках она держала веер. Из складок кимоно на каждое стихотворение певица извлекала разные аксессуары. Голос её походил на волшебный заговор. Он то взлетал к гениям на расписном плафоне театра, то разбивался волнами по зрительному залу, то бежал за мелодией, то резал её контрастным речитативом. Эти модуляции голоса и нарочито театральные жесты певицы гипнотизировали публику, словно традиционный японский спектакль кабуки. Все чувствовали, что присутствуют на очень важном, непонятном представлении, но ни один зритель открыто бы не признался в том, что он не понимает. Здесь был Анже, а не Париж. Да и зачем что-то понимать, если сопрано мадемуазель Изольды проникает в самую душу?

Особым успехом с самого начала пользовалось стихотворение «Вальс Шопена»:

Точно бледный блёклый цвет Крови на устах больного, Проступает в этих звуках Прелесть гибельных страстей.

Здесь Изольда Понс была особенно хороша. Она заканчивала с широко раскрытыми, безумными глазами и продолжала петь:

Дикий всплеск аккордов рушит Лёд отчаяния и сна – Словно бледный, блёклый цвет Крови на устах больного.

Музыка играла громче. Изольда двигалась в такт и заламывала руки над головой, продолжая:

Пламя счастья, боль томленья, Грусть утраты в хмуром вальсе – Никогда не покидают, Держат в плену мои мысли, Точно крови блёклый цвет.

Наконец она замолкала, поднимала к лицу раскрытый веер и незаметно доставала из-за пояса нож. Веер падал, и Изольда резким движением делала вид, что перерезает себе горло.

Публика ликовала. Все кричали и хлопали в ладоши. Певица держала паузу, а затем плавно отводила руку от себя и кланялась, собирая всё новые и новые аплодисменты. Каждый вечер этот фокус повторялся с неизменным успехом.

Сегодня публика снова бисировала. Изольда кивнула аккомпаниатору, и Баро снова в предвкушении прижал к себе лорнет. Зазвучала музыка. Мелодия то и дело сливалась с голосом Изольды. Зал замер в ожидании последних слов певицы. Наконец она проговорила: «Точно крови блёклый цвет» – и закрыла лицо веером, выдерживая паузу.

Зрители захлопали в ладоши. Кто-то свистнул, кто-то закричал «Браво!» С галёрки кто-то повторил последнюю музыкальную строку на губной гармошке.

Изольда уронила веер, а затем с силой провела лезвием ножа по горлу. По шее потекла кровь. Певица всхлипнула и медленно опустилась на сцену вслед за своим японским веером. Зал взорвался аплодисментами.

Только Баро никак не мог отвести своего лорнета от сцены. Его словно парализовало. Бывший военный врач и мэр города Анже Луи-Жозеф Баро прекрасно видел, что Изольда перерезала себе горло по-настоящему, и никак не мог поверить своим глазам. Он отчаянно обвёл взглядом зрительный зал.

Неужели никто больше этого не заметил?

Он только месяц назад избран мэром города, а тут сразу такое безумие. Куда же податься? На кого рассчитывать? Местные полицейские умеют только бумаги подписывать. Жандармы? Тоже нет. Эти только распугают всех. Разве что... Недавно из Парижа прислали к ним агента

префектуры полиции и оформили тренером по боксу. Он не местный и, говорят, имеет большой опыт в таких деликатных делах. Раскрыл много преступлений в столице, а здесь ведёт аскетический образ жизни. Горе у него какое-то случилось.

Из-за прилива крови к вискам Баро совсем разнервничался. Как же зовут этого парижанина? Ах да! Мсье Ленуар!

2. В плену своих мыслей

Накануне представления

Мадлен как можно ниже опустила на глаза козырёк своей форменной фуражки и, опустив голову, перешла площадь собора Святого Маврикия до жандармерии. Сегодня это был самый опасный участок: если заметят, что она надела отцовскую форму почтальона, то ей несдобровать. Хорошо ещё, что мундир зелёного цвета с красной окантовкой и позолоченными пуговицами был трёхлетним и не бросался в глаза своей поношенностью. Мадлен всегда помогала отцу за ним следить: чистила кокарду на фуражке, подшивала оторвавшийся кант на рукавах, натирала до блеска козырёк. Если бы в почтальоны брали женщин, то из неё вышел бы образцовый служащий! Она знала все улицы старого города и никогда бы не останавливалась пропустить стаканчик-другой в местных рюмочных во время разноса писем по своему круговому маршруту, как делали все остальные. Но женщины для этой работы считались слабым полом, и их в почтальоны не брали.

Новый мэр Анже Луи Баро обещал дать больше прав женщинам, но вот только когда? У Мадлен не было времени ждать официального разрешения.

Она засеменила к почтовому ящику жандармерии и быстро засунула туда пачку писем. Ух, пронесло! Сегодня охранник её не окликнул, чтобы отдать исходящие письма. Мадлен уже собралась было уходить, как её взгляд остановился в глубине двора. Пока трое жандармов отдыхали от тренировки по французскому боксу, какой-то усач с взъерошенными волосами отбивал ритм кулаками в висевший перед ним потёртый мешок с песком. Мадлен уже слышала, что в Анже перевели парижского сыщика по фамилии Ленуар. Кажется, отец рассказывал, что он распутывал самые сложные дела, но в последний раз что-то пошло не так, и этот парижский агент префектуры полиции потерял свою возлюбленную¹. Её то ли зарезали, то ли застрелили прямо у него на глазах. И с тех пор Ленуара перевели из Парижа в Анже. Как будто у них в городе никогда никого не убивают... Ещё как убивают! Только расследовать – не расследуют. Убийцей всегда оказывается кто-то из близких.

Мадлен знала обо всех громких происшествиях в городе. Когда твой отец работает почтальоном, обо всём узнаёшь раньше, чем об этом напишут в утренних газетах. Вот и про Ленуара отец ей уже рассказал, что тот не занимается теперь расследованиями, почти ни с кем не говорит, а всё время проводит здесь, сражаясь с мешком песка.

* * *

Ленуар ещё пару раз ударил по мешку. Затем остановился, с удивлением рассматривая свои руки. Кожа на костяшках пальцев стёрлась, и теперь они оставляли на мешке кровавые следы. Ленуар подошёл к бочке с водой и вылил воду сначала на руки, затем на свои иссиня-чёрные волосы, и обернулся.

Мадлен вздрогнула от взгляда его невидящих глаз и поспешила отойти в сторону от входа. Надо спешить. Осталось ещё разнести почту по улицам Соборного квартала. Зачем она вообще здесь замешкалась? Что, если этот странный парижанин заметил, что на него загляделась девушка, а не почтальон?

Соборный квартал пролегал между замком Анже и собором Святого Маврикия. Его заселяли священнослужители, учителя семинарии, а также жители города, унаследовавшие от своих родителей старые частные дома. Обычно днём здесь было тихо, только дети иногда

¹ Читайте об этом в романе Елены Бриолле «Танец фавна».

играли в стеклянные шарики да в колесо. А ночью в этот квартал с его узкими кривыми улочками простые жители Анже предпочитали не ходить. Ночью квартал держали под своим контролем владельцы рюмочных и корзинщики.

Корзинщиками называли семью Нонкеров, в которой уродилось семеро сыновей. О них по городу ходили разные слухи. Старший за баловство уже успел побывать на каторге, а у третьего, Жан-Пьера, – Мадлен сама видела – был сломан нос и порвано левое ухо.

Они держали лавку на улице Донадьё де Пюишарика, перегораживая спуск от собора к реке своими корзинками, плетёными стульями и шляпами из лозы и соломы.

Мадлен опасалась этих парней, но сегодня отступать было поздно. Осталось отнести письма на улицу Святого Павла, и можно было спокойно возвращаться домой в Дутр. Вот только дорога домой проходила мимо корзинщиков. Ну да ладно, Мадлен ещё раз натянула фуражку на глаза и пошла к спуску. Обычно улицы в это время пустели. Все жители Соборного квартала на вечерней службе. Авось пронесёт и ей не придётся иметь дело с Нонкерами.

То, что корзинщики на улице, она увидела ещё издалека. Сегодня плели сиденья для стульев только самые младшие братья Нонкеры. Старшие курили грязные папиросы и о чём-то тихо переговаривались. Мадлен ускорила шаг, чтобы пройти быстрее. Только бы они её не позвали. Только бы не позвали. Мадлен уже прошла мимо лавки, когда услышала за спиной голос:

– Эй, господин почтальон, а господин почтальон! Про нас забыли?

Мадлен замешкалась, но, когда снова сделала шаг вперёд, ей на плечо опустилась чья-то тяжёлая рука.

– Ты что, оглох? – Лицо Мадлен обдало запахом дешёвого пойла. У неё перехватило дыхание. – А наши письма?

Старший корзинщик в этот момент быстро открыл сумку Мадлен и бросил туда свой непотушенный окурок.

– Что ты делаешь? – воскликнула девушка, быстро раскрывая сумку. – Там же письма могут сгореть! Тогда отцу придётся платить большой штраф! – Окурок никак не удавалось достать голыми руками...

– Ой, а кто это у нас? – загудел насмешливым голосом один из корзинщиков и заглянул под фуражку Мадлен. – У-тю-тю! Так это не почтальон, а мамзель!

При этом он сорвал с головы девушки фуражку с кокардой и красным кантом и бросил её своему брату. Волосы Мадлен, которые она так долго сегодня утром прикалывала к фуражке, рассыпались на плечи.

– О-о! Посмотрите, какая у нас тут цыпочка! – прогремел ей в ухо голос Жан-Пьера.

Девушка дёрнулась за фуражкой, но тут же упёрлась в грудь самому старшему из братьев. Но его фартуке краснели пятна засохшей крови и грязные разводы.

– Здравствуй, Мадлен! – прохрипел он. – Куда ты так спешишь?

3. Ожившее наваждение

Кровь на пальцах от тёплой крови Николь.

Вспышка.

Бам-бам!

«Я люблю тебя», – шепчут её губы.

Бам-бам!

Ленуар удар за ударом пытался выбить из головы воспоминания и боль.

Бам-бам!

Его руки ударяли по песку, а на пальцах алела кровь. В животе всё переворачивалось, и Ленуар с силой обрушивался на самого себя через этот ненавистный, равнодушный песок. Она касалась его ещё тёплыми пальцами, а потом они постепенно застывали. Как и губы Николь над растерзанным горлом. Он не смог её спасти. Как не смог когда-то спасти Элизу.

Бам-бам!

В голове всё взрывалось, и Ленуар молился о том, чтобы силы отпустили его, чтобы земля забрала его и боль отступила.

Элизе было семнадцать лет, когда ему сказали, что его любимая прыгнула с крыши отеля «Лютеция». Сказали, что это был просто несчастный случай. Администратор выпроводил его из отеля. Он сказал, что такое иногда бывает. Он сказал, что, возможно, Элиза бросилась с крыши из-за несчастной любви, что, возможно, он, Ленуар, её чем-то обидел. Он сказал, что девушка разбила себе лицо, проломив череп при ударе об асфальт во дворе отеля. Сколько бы Ленуар тогда ни просил показать ему тело Элизы, сколько бы ни умолял, чтобы начали расследовать это дело, дирекция отеля и полицейские только хмурились в ответ и повторяли, что такие случаи бывают, чтобы он крепился, что они очень сожалеют, но девушка шагнула с крыши самостоятельно.

Бам-бам!

Ленуар чувствовал себя таким же беспомощным, как тогда, в свои семнадцать лет.

Бам! Бам-бам-бам!

Перед глазами всё начинало двоиться. Агент парижской префектуры полиции из бригады краж и убийств, блестящий сыщик, распутывающий самые сложные дела в столице Франции, приехал в Анже, на родину своих предков, герцогов Анжуйских, в надежде либо найти свой путь, либо сдохнуть, опустившись в отцовский склеп.

Марсель Пизон, его начальник, уговаривал его остаться в Париже, чтобы тот забылся в работе, но Ленуар словно впал в спячку, становясь с каждым днём всё более профнепригодным для сыска. Тогда Пизон написал ходатайство, чтобы Ленуара временно взяли инструктором по французскому боксу в жандармерию Анже. В конце концов, спорт лечит. Однако с тех пор Ленуар боксировал больше по-английски – нанося удары только перед собой, борясь со своими внутренними кошмарами и проигрывая в этой битве свою душу. Бам!

Ленуар развернулся. Ему показалось, что на него кто-то смотрит. Молоденький почтальон, на котором мешком висела униформа. Элиза?! Нет, это девушка, но не Элиза. Почтальон вздрогнул и скрылся за воротами. Ленуар ещё раз опустил руки в ведро колодезной воды, затем вылил её на голову. Приступ боли отступил. Почему эта девушка переоделась в униформу почтальона? Куда она пошла? Она напомнила ему Элизу.

Ленуар перевязал бинтами руки и пошёл в том же направлении, что и самозванка. В конце дня он всё равно спускался к берегу реки Мен. Вид на старый порт на противоположном берегу успокаивал его до наступления следующего дня.

От собора Святого Маврикия дорога круто спускалась к реке. Дойдя до улицы Донадьё де Пюишарика, Ленуар слышал громкое сопение и звуки ударов, похожих на пощёчины. Что

там за суета? Лёнуар шагнул во тьму улицы и тут увидел её. Девушка-почтальон со всех сил брыкалась, лупя ногами по ногам и в животы семерых парней. Её фуражка валялась на земле. Все письма из сумки выпали и перемешались с дорожной пылью. Она не звала на помощь, сразу понятно – рассчитывает только на себя. Однако против таких крепышей ей не выстоять!

Лёнуар бросился к самому старшему из корзишников и, схватив его за волосы, врезал по уху локтем. Бам! Его сражение продолжалось. Рука уверенно повторила траекторию в обратную сторону. Шассе! Второй противник упал в грязь. Ногой Лёнуар врезал третьему. Реверс! Затем хук согнутой рукой и ещё один хук – бам! В голове снова загудело и закипело. Апперкот и бам – фуэте! Последний паренёк сбежал в лавку, запирая за собой дверь. Но Лёнуара было уже не остановить.

– Эй! Куда? – Он схватил стул и со всего маху отправил его в витрину лавки. Послышался звук битого стекла. Кто-то рядом застонал. Голубые глаза Лёнуара застилала тьма. Он схватил второй стул и надел его на голову встающего на ноги корзишника. – Всемером на девушку? Молокососы! Вон отсюда!

Лёнуар тяжело дышал, когда почувствовал, как его коснулись чьи-то пальцы. Он хотел было замахнуться, но понял, что это горе-почтальон. Глаза девушки светились.

– Пойдёмте! Скорее! Сейчас сюда придут люди! – прошептала незнакомка. Лёнуар позволил ей увлечь себя за собой вниз к реке. Она заговорила с ним только у моста через Мен: – Спасибо, мсье! Вы меня спасли!

От этих слов Лёнуар вздрогнул и снова посмотрел на свою спутницу.

– Ты не кричала, потому что не хотела, чтобы тебя увидели в чужой униформе? – спросил он.

Из глаз девушки полились слёзы.

– Они не разрешают женщинам работать почтальонами, а мой отец очень заболел. Он еле ходит. Работал на государство почтальоном последние пятнадцать лет, но теперь ноги уже не те. Все кости ломит, а болеть на такой работе нельзя. Каждый пропущенный день вычитают из жалованья. Вот я и надела отцовскую форму. Но об этом никто не должен знать. Я представлялась всем Морисом, хотя на самом деле меня зовут Мадлен. Мадлен Муано, как «Воробей».

Девушка опустила глаза и поправила в сумке грязные письма, которые она успела подобрать после драки. Она была маленького роста и напоминала движениями Элизу.

– Где ты живёшь, Мадлен Муано? – спросил Лёнуар. – Давай я тебя провожу.

– В Дутре, по другую сторону от Верденского моста. У церкви.

Лёнуар молча пропустил жестом девушку вперёд и пошёл за ней в один из самых бедных районов Анже.

4. Отличия французского бокса

Анже, 17 июня 1912 г.

– Наверное, на топливо денег не хватило! Понастраивают новые аэропланы, а заправить как следует, всё проверить перед разгоном – это для крестьян. – Сторож спортивного клуба «Бокс и трость» раскрыл свежий выпуск газеты *Le Matin*, прищурился и убил зазевавшуюся на солнышке муху.

– Мсье Ленуар, вы слышите? Я что говорю: «Стальной голубь»-то Эмиля Ладуня долетел, но «вынужден был совершить аварийное приземление в полях Туара». Чёрт бы побрал этого пройдоху Жюпона, что заставил на него пятак поставить! Мсье, вы слышите? Жюпон сказал: «Ставь на голубя, немцы такие уже два года выпускают». «Тaubэ» – это по-ихнему «голубь». Значит, выходит, что боши² на своих голубях летают, а наши только красиво фотокарточки умеют с ними делать. Всё, выпью сегодня сидра! Ещё пятак потрачу – душа болит! Мсье, купите мне сидра?

За «Пробег Анжу», организованный в этом году Французским аэроклубом, полагался Гран-при. Фотографии Пьера Дивтена с его монопланом национального производства опубликовали все газеты Анже. Однако из-за дождей пилот не справился с управлением своего «голубя». Победу одержал Ролан Гаррос на *Blériot*, работающий на моторе «Гном». Ну а кто ставит на гномов? Гномы обычно по небу не летают.

Сторож посмотрел на свинцовое небо и плюнул. Только что было солнце, а теперь от духоты не продохнуть.

– С такой погодкой никакой голубь до дома не долетит, – поворчал старик. – Мсье! Вы меня слышите? Я отлучусь на минутку – горло промочить, что-то совсем немоготу мне тут сидеть...

В ответ – снова молчание. Тогда сторож с лязгом отворил ворота и, не оборачиваясь, поковылял к ближайшему бару.

Ленуар вздрогнул от скрежета ржавых петель и остановился. Из пальцев на его руках снова пробивалась кровь. Он развязал бандаж и смочил руки в бочке с дождевой водой, которая стояла у входа. От духоты кружилась голова. Всё тело Ленуара словно испарялось от соприкосновения с влагой. Он закрыл глаза. Сначала по щеке, потом по плечам с неба попадали большие капли. Ленуар сглотнул, почувствовав во рту солёный вкус влаги. Ещё секунду, и летний ливень смоет его с земли. Ленуар стоял с закрытыми глазами в ожидании природной казни.

Наконец дождь сорвался с неба и хлынул на землю, на клуб, на Ленуара, остервенело лупя его по лицу и рукам.

– Вернись! Вернись! – орал он в уши.

– Вер-нись! Вер-нись! – шипела разгорячённая земля под ногами Ленуара, и он уже не знал, где теперь его место: среди живых или мёртвых.

– Вернитесь! – вдруг отчётливо услышал он чей-то голос. Ленуар оглянулся в сторону, откуда доносились слова. Сквозь серую стену дождя на него смотрели два больших глаза вчерашнего маленького почтальона. Из-под кепки торчали мокрые волосы, скупое намекая, что они принадлежат существу женского пола. Старые штаны закрывались только на одну лямку, а рубаха неопределённого цвета выбивалась из-под пояса и только делала вид, что утром её тоже заправили.

– Вернитесь в зал! – сказала девушка. – Вы же полностью промокнете! Простудитесь! Это я, Мадлен Муано.

Ленуар зашёл обратно в спортивный зал, но ничего не ответил.

² Бош – презрительное прозвище немцев во Франции.

– Вы вчера меня спасли и проводили! Помните? Я вам яиц принесла, чтобы отблагодарить! – показала девушка на свою промокшую корзинку.

– Что? – не понял Ленуар.

– Яиц, говорю, принесла. Свежих, вы не подумайте! Больше у нас ничего такого нет, но куры несут хорошие яйца, большие!

Девушка подошла к Ленуару и торопливо поставила перед ним корзинку.

– Вот! Отец узнал, что случилось, и сегодня сам пошёл разносить письма, хотя он почти не встаёт. За то, что дал без разрешения начальства свою форму, тем более женщине, ему теперь назначили штраф и сделали выговор. Хорошо, что хоть я пуговицы вчера не растеряла: собрала их в пыли да потом пришила на место, а то где такие же искать? Иначе пришлось бы ещё платить за порчу государственного имущества. Вот, держите полотенце – с вас вода течёт, – девушка протянула ткань, которая прикрывала яйца в корзинке.

– Спасибо! – сказал Ленуар.

– Это вам спасибо! Без вас бы мне вчера туго пришлось! – ответила Мадлен.

Ленуар вытер плечи и посмотрел на неё. Она не двигалась.

– Передавай родителям мою благодарность, – сказал Ленуар. – За яйца.

– А я у них разрешения не спрашивала. Так взяла, но если бы спросила, то они бы точно дали, – развела руками Мадлен.

– С-спасибо... Ну, не хочу тебя задерживать... – ответил Ленуар. Однако Мадлен продолжала стоять перед ним и явно никуда не торопилась.

– Мсье, вы вчера меня спасли... – замялась Мадлен.

– Не стоит...

– Но я и сама смогла бы за себя постоять! Вам не нужно было вмешиваться, – закончила свою мысль Мадлен.

– Против семерых парней? – спросил Ленуар. – Если бы ты могла с ними справиться, мне не пришлось бы вмешиваться.

– Да, но теперь вы тоже мой должник, мсье, – выпалила Мадлен, шмыгая носом. – Не смотрите на меня так. Вы из Парижа, я знаю. Уедете, на меня снова нападут. Кто тогда будет меня спасать? Вот вы удивляетесь, а ведь в Париже небось женщины ходят на курсы самообороны. Это здесь, в Анже, меня в ваш зал только подметать иногда берут. Мсье Панколь отказывается со мной заниматься боксом.

– Что? – снова сказал Ленуар.

– Да! Вот я и думаю, что в наше время это возмутительно. Я предлагала ему за это убирать в зале, но он отказался. Говорит, что женщинам бокс не нужен. А вы сами вчера убедились, что очень даже нужен.

– Постойте, но... – начал было Ленуар.

– Или вы думаете, что я не знаю, что в полиции вас уже двадцать лет как обучают боксу?

– Я больше не работаю в полиции.

– А разве можно сначала работать, а потом вдруг не работать в полиции? Я думала, что в полицейские просто так не берут и тех, кто раскрыл много дел, на пенсию так рано не отправляют. Или отправляют? – спохватилась Мадлен.

– Нет, – вздохнул Ленуар.

– Тогда обучите меня самообороне? Я всех мальчишек дворовых била, и удар у меня что надо – сами вчера изволили убедиться. Мне просто науки не хватает. Я в мешок с песком знаете, как ударить могу? Вот так! – Мадлен размахнулась и со всего маху влепила кулаком по подвешенному мешку с песком. Удар получился знатный: мешок отлетел к Ленуару и толкнул его в плечо – тот слегка пошатнулся.

– Я не даю частные уроки бокса. Если вы что-то понимаете, то, стуча руками по мешку, ничему не научитесь.

– Но вы ведь уже несколько дней только и делаете, что просто лупите по мешку! – удивилась Мадлен. – Или вы уже всему научились?

Ленуар замолчал и медленно намотал на руки новые бандажи.

– Тебе нужно не кулаки набивать, а скорость реакции тренировать, – сказал Ленуар, смягчившись. – Твой удар зависит не от тебя, а от того, кто и как на тебя нападает. Женщинам легче всего просто удерживать противника на расстоянии прямыми ударами в грудь, но ты же не будешь задиравать ноги...

Не успел Ленуар договорить, как Мадлен развернулась и, словно раскручивающаяся плётка, ударила его в грудь ногой. У Ленуара от неожиданности перехватило дыхание.

– Вот так? – спросила она.

– Примерно.

– Возьмёте меня в ученики?

Ленуар посмотрел на пустой зал и безлюдную улицу, на накапывающий дождь и сказал:

– Хорошо. На овладение техникой нужны месяцы. Я смогу посвятить тебе только один день. Сегодня.

По крыше снова застучали капли, и Ленуар сначала решил объяснить Мадлен, почему, собственно, урок будет длиться только сегодня:

– Самый действенный метод самообороны для женщин – это среагировать ещё до того, как противник подойдёт на расстояние удара: на первой дистанции в таком случае эффективнее всего воспользоваться зонтиком или тростью. – Ленуар посмотрел на потрёпанные штаны Мадлен и добавил: – Если у женщины их нет, то противник успеет подойти на вторую дистанцию – расстояние, на котором удобно наносить удар ногой или кулаком на выпад. Желательно именно так и поступить, нанеся удар в подбородок или прямо в лицо.

– Бывают и другие дистанции? – спросила Мадлен.

– Да. На третьей дистанции можно успеть нанести удар согнутой рукой, как это делают англичане: хук или апперкот. Но на этой дистанции нужно в первую очередь учиться не наносить удары, а парировать их.

– Это самая близкая дистанция? – подошла к Ленуару поближе Мадлен.

– Нет, на дистанции, когда тебя уже схватили, ты в любом случае уже проиграла бой. В этом случае противник победит не за счёт своих умений, а за счёт массы своего тела... Поэтому, если ты хочешь чему-то научиться, возьми пока мою трость и начнём с четвёртой дистанции. Становись в позицию «К бою!». Вот так: одна нога впереди, вторая нога смотрит в сторону. Это позволит удерживать равновесие.

– Я и так отлично держу равновесие, – возразила Мадлен. – Иначе получается, как в танцах...

Ленуар развернулся и легонько потянул девушку за руку и назад по диагонали. Она покачнулась и шлёпнулась на филейные части.

– Так вот, – продолжил Ленуар, – к бою! Это в английском боксе участвует только верхняя часть тела. Во французском в схватке участвуют и руки, и ноги. – Ленуар встал в позицию и сделал несколько демонстративных выпадов руками и ногами. – Равновесие – это залог успеха. Нет равновесия, и ты уже летишь в дорожную пыль. В боксе нога и кулак действуют попеременно, создавая периоды, рисуя фразы и красные строки боя. Когда я тренируюсь, то часто напеваю себе мотив какой-нибудь песенки, чтобы запомнить последовательность движений.

– Вы поёте песни? – растерянно спросила Мадлен.

– Да. Смотри. Например, ты хочешь нанести удар тростью. Сначала замахиваешься два раза с одной стороны. Тогда твой противник приготовится обороняться, но в третий раз ты без замаха бьёшь тростью с другой стороны. Порядок движений прекрасно ложится на мотив песенки про Мальбрука:

Мальбрук в поход собрался, Миронтон, миронтон, миронтень, Мальбрук в поход собрался, Воротится ли он?

Когда ты поёшь «миронтон, миронтон», то делаешь ложные замахи, а на «миронтень» наносишь удар. Бум! Поняла? Давай, попробуй.

Мадлен подняла трость вверх и начала кружиться вокруг бочки с водой, Ленуар запел. На словах припева он подал знак Мадлен, чтобы она нанесла удар, тогда она ударила по бочке, но без ритма. Казалось, что мадемуазель совершенно забыла всю его историю про песню.

– Так, хорошо, тогда просто считай до трёх: раз, два, три!

Трость Ленуара с шумом обрушилась на бочку. Та покачнулась и упала, разлив всё своё содержимое на улицу. Ленуар впервые за последние десять дней рассмеялся.

– Порча казённого имущества... Мсье Ленуар, прекратите бесчинствовать! – раздался голос городского.

– Простите, сейчас мы всё поправим! – благодушно ответил Ленуар, поднимая бочку обратно и замечая, что ботфорты городского запачканы грязью. За ним стояли его два помощника. Обычно городские в таком составе не гуляют по улицам без особой причины...

– Мсье Ленуар, от имени Французской Республики имею честь задержать вас за вчерашний погром лавки братьев Нонкерв, – с лёгким поклоном проговорил городской. Мадлен всплеснула руками и уронила трость. Ленуар поднял трость и молча кивнул.

– Если вы окажете сопротивление, то только усугубите ваше положение, – сдержанно проговорил городской. При этом он держался так, словно писал в штаны от переполнявших его страха и гордости за то, что сейчас он арестует не просто какую-то мелкую сошку, а самого агента безопасности парижской префектуры полиции Габриэля Ленуара.

– Куда вы меня поведёте на время следствия? Неужто в скрипку? – спросил Ленуар, собирая вещи.

– Просим проследовать за нами к мэру города Анже – господину Луи Баро.

5. Умри!

Тело певицы лежало красно-белым пятном на сцене. Зрители уже успели разбежаться. Рядом с трупом оставались пианист Жорж Треви и мэр города Анже. Баро с сомнением переводил взгляд с недвижного тела на взъерошенные волосы Ленуара и его пыльные брюки. Сам Ленуар ни на кого не обращал внимания, полностью погрузившись в свои мысли.

Изуродованная шея певицы напомнила ему о Николь. В голове стучали колёса удаляющегося трамвая. В глазах двоилось. Ленуар опустился на колени. Лицо Изольды покрывал слой белого грима, и от этого рваная дыра под подбородком казалась ещё темнее. Её чёрные длинные волосы были уложены в два пучка на голове, а нож до сих пор сжимали мёртвой хваткой тонкие пальцы.

– Она сама выбрала партию «Лунного Пьеро»? – спросил Ленуар.

– Нет, эту партию для исполнения предложил ей я, – ответил Луи Баро. – Но какое это имеет отношение к её жесту?

У мэра города не хватало мужества произнести слово «самоубийство».

– Обычно для артистических натур такие мелочи всегда имеют символическое значение, – ответил Ленуар. – В каком расположении духа пребывала мадемуазель Понс накануне спектакля?

– В самом благодушном, – сказал пианист. – Ещё бы ей не пребывать в благодушном расположении духа! Изольда Понс недавно подписала новый контракт на серию сольных концертов в Опере Гарнье, причём сама, без помощи и протекции своего импресарио. А в Анже она запросила такой гонорар, словно давно уже звезда оперы.

– И вы согласились?

– Не совсем, – ответил Баро. – Я предложил компенсировать завышенные требования певицы репертуаром. Я попросил её исполнить у нас «Лунного Пьеро» Шёнберга.

– Как вы сказали? – Ленуар уже где-то слышал эту фамилию.

– Шёнберга. Арнольда Шёнберга, австрийского композитора.

– Она каждый день репетировала эту роль. У Изольды были очень высокие требования к себе и к окружающим... – добавил пианист.

– К вам тоже? – спросил Ленуар, наблюдая за тем, как музыкант снимает с себя тугой галстук.

– С нашим Треви Изольда была особенно требовательна и строга. Изначально она хотела ангажировать пианиста из парижской оперы, но её импресарио счёл это за каприз и велел выделить пианиста из нашего театра, – ответил мэр. – Так вот, мадемуазель Понс издевалась над Треви, придираясь к каждой мелочи. Совсем его замучила.

– Это правда? – обратился Ленуар к пианисту. – В чём это выражалось, мсье?

– Мадемуазель Понс была очень талантливой. Она обладала абсолютным слухом. Я очень старался, но любая фальшивая нота или сбой в ритме... А партитура Шёнберга сама по себе очень сложная, это новое слово в музыке... В общем, любое отступление от партитуры вызывало у мадемуазель мигрень.

– Она постоянно одёргивала Жоржа, словно он не пианист, а тапёр в кабаке, – добавил Баро.

– Но вы не подумайте, для меня было честью работать с такой знаменитой артисткой! – приложив ладонь к груди, заверил Треви. – Я до сих пор не понимаю, что сподвигло мадемуазель Понс пойти на подобную крайность!

– На такие крайности людей могут толкнуть самые простые вещи. Вы не замечали ничего странного в её поведении накануне спектакля или во время исполнения «Вальса Шопена»? – спросил Ленуар, осматривая ухоженные ногти певицы. Казалось, она во всём любила точность

и аккуратность. Мелкие порезы и царапины на руках контрастировали с белизной её ухоженной кожи.

Жорж замялся, а потом сказал:

– Не знаю, но меня удивила одна деталь. Возможно, я просто никогда раньше не имел дело с самоубийцами...

– Что именно?

– Мадемуазель Понс, как раз перед тем, как перерезать себе горло, закрывшись веером, она... она улыбалась.

Ленуар задумался. Смертельная гримаса певицы сейчас совсем не походила на улыбку.

– А откуда у неё этот нож? Разве на сцене не используют бутафорские ножи и аксессуары?

– Не знаю. Изольда накануне спектакля оставила свою костюмершу в отеле. Получается, что она вполне могла заменить бутафорский нож на настоящий, – ответил мэр.

– А что вы скажете о ране? Вы ведь работали раньше врачом? – заметил Ленуар.

Баро поправил рукава своей рубашки с дорогими запонками и ответил:

– Разрез нанесён неумелой рукой, но могу сказать, что в данном случае отсутствие опыта компенсировалось остротой ножа.

Ленуар вытащил из кармана носовой платок, поднял нож и натянул его со стороны окровавленного лезвия. Платок с лёгкостью разошёлся на две части. Перед глазами Ленуара снова удвоилось. Он вспомнил нож, которым перерезали горло Николь.

– Его заточили совсем недавно. Это заметно по тому, как блестит лезвие. Странно, что певица решила покончить с собой прямо на сцене. Может, она находилась под воздействием алкоголя или лекарств, воздействующих на нервную систему? – спросил Ленуар.

Баро в ответ только развёл руками.

– Отправьте жандарма с запросом на аутопсию. Вам точно не откажут. Если повезёт, то врач сделает её уже утром.

Ленуар осмотрел карманы кимоно и рукава Изольды Понс. В них были сложены экстравагантные перья павлина, зеркало, подзорная труба, лорнет – аксессуары, которые Изольда использовала в своём спектакле. Для ножа были предусмотрены ножны на поясе оби.

Настал черёд веера. Он всё ещё лежал рядом. Это был классический японский веер с перламутровыми вставками. Ленуар раскрыл его и невольно залюбовался изящными стрелками и цветами. Затем он повернул веер внутренней стороной и замер. В самом центре, на одной из перламутровых вставок, спичками было выжжено слово «Умри!».

– Так кто, вы сказали, отвечал за костюмы певицы? – спросил он.

6. Аксессуары певицы

Анже, 18 июня 1912 г.

«Отель Франции» опоясывал полукружием часть привокзальной площади, словно распахивая свои объятия гостям города. Элегантные фронтоны наличников окон на последнем этаже и серая крыша напоминали замки Луары эпохи Возрождения, а рустовка первого этажа – камни, из которых они были построены. Суровые пасти львов охраняли главный вход и поддерживали цепь ажурных балконов. На круглых колоннах, устремившихся вверх, стояли изящные кариатиды. Весь отель дышал современным комфортом и роскошью начала двадцатого века.

Сегодня Габриэля Ленуара было не узнать: уложенные воском усы, мягкая волна чёрных волос, начищенные туфли английской кожи, – от вчерашнего дня в этом парижском денди, казалось, не осталось ничего, кроме смутных воспоминаний.

Швейцар с поклоном отворил массивную дверь перед столичным гостем, и уже через две минуты Ленуар стоял посреди самого большого номера гостиницы – номера Изольды Понс.

Молодая костюмерша с проседью у левого виска представилась как Тифен Бургсталь. На ней было чёрное платье в пол. Такой фасон давно вышел из моды. Странно, что костюмерша не следовала рекомендациям летнего сезона женских журналов. Её шея была обёрнута в кружево, а сверху белела камеш из слоновой кости с изображением якоря. Протягивая список всех аксессуаров, составленный рукой самой Изольды, девушка добавила:

– Мадемуазель была очень щепетильной в выборе костюмов и украшений. Она продумывала каждую мелочь.

– Вы давно на неё работаете? – спросил Ленуар.

– Нет, но я давно работаю в Опере. Когда мадемуазель подписала контракт с нами, то попросила меня сопроводить её в Анже. Это был исключительный случай, но директор меня отпустил.

– И вы согласились?

– Да, у мадемуазель Понс был очень скверный характер, – прости меня Господи, что я так отзываюсь о покойной. Но она была очень щедрой.

– Это она оплачивала все счета? – уточнил Ленуар.

– Нет, её импресарию.

– И аксессуары тоже?

– Да, и платья, и костюмы, и аксессуары. Я их покупала, но счета высылала импресарию. Жалованье и чаевые платила мне сама мадемуазель. Но, мсье, это не я купила тот нож! Поверьте, я не знаю, откуда он появился. – Костюмерша прижала руки к груди и опустилась на стул.

Ленуар вытащил из сумки вчерашний нож, завернутый в бумагу. Он до сих пор был в крови, поэтому костюмерша при виде оружия поёжилась и обхватила себя руками, словно по комнате гулял сквозняк.

– Я никогда не видела этого ножа. Значит, мадемуазель Понс именно им перерезала себе горло?

Ленуар промолчал в ответ. Костюмерша встала и подошла к нему поближе.

– Я обычно дважды всё проверяю, но этого ножа никогда раньше не видела, поверьте! Наверное, мадемуазель Понс купила его самостоятельно.

Ленуар кивнул и обвёл глазами номер. Все платья были аккуратно развешаны за ширмой. На столе вместо бумаги для корреспонденции стояли букеты цветов. На кресле и полках были разбросаны ноты Малера, Гана, Равеля и партитура «Лунного Пьеро». Внутри она была вся испещрена карандашными пометками Изольды. Кажется, певица действительно серьёзно под-

ходила к своему делу. На письменном столе стояло маленькое, словно игрушечное, пианино. Проследив за направлением взгляда Ленуара, костюмерша сказала:

– Оно настоящее. Мадемуазель Понс использовала его для того, чтобы распеваться перед спектаклями.

Под пианино лежали открытка и письмо от Благотворительного общества в пользу инвалидов войны, в котором Изольду приглашали на торжественный вечер в её честь, а также письмо от импресарио певицы, в котором он её поздравлял и спрашивал, каким поездом она собирается вернуться в Париж. Рядом валялись свежие газеты и записка из букета цветов от Ганса Шёнберга. Самих цветов нигде не было. Сохранилась только ленточка фиолетового цвета.

В этот момент в номер без стука вошёл пятидесятилетний мужчина с бакенбардами в униформе администратора.

– Ах, какое несчастье! Какое несчастье! Я со вчерашнего вечера не нахожу себе места! – Его глаза навывкате ещё больше округлились. – Простите, что не представился. Я администратор этого отеля.

– Заходите, мсье, – показывая жестом на кресло, сказал Ленуар.

– Какая потеря для нашей культуры! Изольда была чудесная, ослепительная, великолепная. Весь город лежал у её ног. Кто бы мог подумать, что у женщины на сердце была такая убийственная тоска...

Администратор быстро пересёк комнату и сел в кресло.

– Вы были близко знакомы с Изольдой Понс? – спросил Ленуар.

– Да. Вернее, нет. Но она была почётной гостьей нашего отеля. Отель только-только открылся, и подобные клиенты, как вы знаете, делают хорошую рекламу нашему учреждению, а тут такая неприятная история... Что же теперь будет с нашей репутацией? И, честно говоря, я не понимаю, зачем здесь полиция? Ведь Понс покончила жизнь самоубийством. Присутствие полиции в отеле отпугивает клиентов...

Ленуар внимательно посмотрел на администратора. От мужчины несло ароматом магнолии и слащавости. Его лицо ему показалось знакомым.

– Я почти закончил осмотр номера, господин...

– Шёнберг. Ганс Шёнберг.

7. Смертельная любовь

В военном госпитале пахло марсельским мылом. Медсёстры в белых передниках сновали между койками больных, искоса поглядывая на трость Лемуара. На её ручке были вырезан череп из слоновьей кости, что очень контрастировало с крестами распятий, подвешенных над изголовьями больных.

Судебный эксперт Николя Фошон уже ждал столичного сыщика в своём кабинете. Это был низенький пухлый господин с бритой макушкой. При виде Лемуара он поправил очки и жестом пригласил его сесть на стул перед его письменным столом.

– Я не могу отказать в аутопсии господину Баро, мсье, но вы сами знаете об обстоятельствах смерти Изольды Понс: она перерезала себе горло на глазах у тысячи свидетелей. Об убийстве здесь речь не идёт, поэтому заставлять меня делать аутопсию в шесть утра – это было слишком...

– Слишком поздно? – спросил Лемуар, закидывая ногу на ногу. – В следующий раз попрошу, чтобы труп перевезли сюда не мешкая. Луи Баро просил передать свою благодарность за вашу готовность оказать ему важную и своевременную услугу.

Фошон прикусил нижнюю губу и медленно закивал в ответ.

– Бросьте эти условности, доктор. Давайте лучше сразу...

– Это в Париже вы привыкли жить без условностей и уважения к чинам. В Анже мы, знаете ли, всё делаем по старинке, и у нас не принято входить без стука, – Фошон скрестил пальцы перед собой, показывая, кто в госпитале главный.

– Даже если к вам обращается брат из масонской ложи? – спросил Лемуар. Заметив смятение на лице Фошона, он добавил: – У вас на столе печать с циркулем и наугольником. Такое же изображение я видел на перстне Баро. Если вы хотите оставить свою деятельность секретной, вам следует более аккуратно выбирать аксессуары. А теперь давайте к делу. Вы составили отчёт об аутопсии?

Фошон молча посмотрел на Лемуара, затем вытащил из своего стола отчёт и протянул его сыщику.

В преамбуле убористым почерком были сделаны традиционные пометки о дате аутопсии, о том, что эксперт судебной медицины принёс надлежащую клятву, и подпись медбрата, присутствовавшего во время вскрытия.

*Лемуар пробежал глазами вторую часть, где говорилось об обстоятельствах самоубийства, и сразу перешёл к части *visum et repertum* о ходе вскрытия.*

– Как вы видите, Изольда была в полном здравии на момент самоубийства. В отделах мозга, груди и живота мною не замечено никаких болезненных патологий.

– Я не вижу... Ах, вот здесь вы пишете, что в крови мадемуазель Понс не обнаружено ни алкоголя, ни опиума, ни морфия, которые могли бы повлиять на её психическое состояние.

– Да, всё верно, мсье Лемуар. Анализ её желудка также показал, что девушку не отравили, а на обед она съела салат с креветками и телячий язык с запечённой картошкой.

– А что вы можете сказать про царапины на её руках?

– Вы тоже их заметили? – поджал губы Фошон. – Я описал царапины в отчёте, но затрудняюсь определить их происхождение.

– Может, это след от чьих-то ногтей или от острого ножа?

– Нет, это точно не нож. От ножа остались бы более глубокие и ровные порезы. От ногтей, наоборот, царапины неровные и длинные, так что здесь не ногти. Эти царапины были нанесены чем-то маленьким и острым.

Лемуар снова обратился к отчёту. Когда он увидел последнюю запись, то понял, что не зря пришёл к Фошону лично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.